

Потому что мы такой народ!

Званный
гость

Из досье "Красной звезды": **ПРОСКУРИН Петр Лукич.** Родился в 1928 году в поселке Косицы Брянской области. Русский. Писатель. Лауреат Государственных премий России и СССР. Автор многих книг прозы, стихов, эссе, в том числе широко известных романов "Судьба", "Имя твое", "Глубокие раны", "Корни обнажаются в бурю", "Торжественные травы", "Исход", "Отречение"...

Гостя принимает наш корреспондент Игорь ЯДЫКИН.

— Петр Лукич, мне лично всегда imponировали ваши внешние невозмутимость и спокойствие, где бы вы ни находились: перед телекамерой, в высшем президиуме или на встрече с читателями. Думается, это как-то отражается и на вашем творчестве. Несмотря на смену строя, общественные потрясения, вы как работали, так и продолжаете плодотворно трудиться на ниве литературы, не опускаясь до писательских склок, интриг политических... Это действительно связано с вашим характером?

— Во-первых, я, очевидно, страшный "консерватор" и во мне ничего нельзя переменить: продолжаю работать в традиционном русском плане, как и начинал когда-то, когда еще запрядали произносить слово "русский". Помню, как принес в "Правду" статью о Смоленске, о его подвиге. Так тот же Михаил Васильевич Зимянин принялся подсчитывать, сколько раз в ней упоминается это слово. Насчитал 27 и говорит: все-таки надо сократить до пяти, не больше!

Несмотря на то, что существовал "интернационализм" и все прочее, я был и оставался русским писателем и по-другому писать не мог. И переменить с переменной власти — тоже. Это моя генетическая основа, заложенная с рождения. Ее невозможно изменить, не сломав личности, которая в этом случае становится никому не нужной, тем более — творческая личность.

Во-вторых, этот вопрос весьма обширный. В связи с глобальным смещением в умах людей пластов нашей истории, когда многое поставлено с ног на голову и с головы на ноги, наша творческая интеллигенция, особенно "интернационального" плана, очень легко меняется, теряет ориентиры.

Отсюда и получается, что, как и прежде, русскому писателю действительно негде печататься, негде высказать свои сокровенные мысли. Негде высказать объективный взгляд на русский народ, в первую очередь именно на русский народ, ибо на нем сейчас проверяется все в данный момент в России и от его участи зависит, как и куда мы пойдем дальше. Может быть, даже пути развития мировой цивилизации.

И вот о судьбе народа, об обстоятельствах, в которых он сейчас оказался, сказать по сути дела негде, даже в патристических изданиях. Потому что надо говорить не только о происходящем сейчас, но и о том, что случилось с нами за 70 лет Советской власти, о роли в этом Ленина, Сталина и многом другом.

Несмотря на все сказанное, я стараюсь быть таким, какой есть, хотя в общем-то мог бы где-тоobleговать, написать что угодно на опыте, мастерстве. Но, очевидно, есть некие духовные клапаны, некие рычаги, которые и управляют процессом творчества. Есть какие-то глубинные, неосознанные (и слава Богу, что неосознанные!) вечные корни.

— Многие, на мой взгляд, сомневаются в последнем и пытаются эти самые корни вырвать.

— Думаю, они не до конца понимают, что творят. И если они сейчас уничтожат или отодвигнут еще на тысячу лет приход духовной цивилизации, а нам навязжут свою ростовщическую, торгашескую, рациональную, расчетливую, потребительскую цивилизацию, разрушающую личность, то наступит закат человечества.

Но самое интересное, у них ничего не получится. Ни у кого. Русский народ невозможно перевоспитать. Его можно только уничтожить. Гитлер не первым об этом сказал...

— Не знаю, к сожалению или к счастью, но "плоды воспитания" видны уже на каждом шагу: ларьки, выстрелы по ночам... Кстати, а что бы сказал сегодня ваш главный герой — Захар Дерюгин, что бы сделал? Может, в фермеры пошел?

— Не знаю, читали ли вы мой последний роман "Отречение". Он издан, к сожалению, с ошиб-

ками, в спешке в "Современнике" — коммерческое издание. И там Дерюгин дожил до предательства Горбачева (по иному судить не могу) и в какой-то части увидел ельцинский период. И в общем-то пришел, т.е. вернулся к Вере. Если взять его судьбу от конника-красноармейца, который рубил, раскулачивал, затем сам прошел все круги ада: и из партии его выгнали, и на войне попал к немцам в лагерь и т.д. — и вот Захар пришел к мысли, что без веры (а вера — это идея, надежда) никуда нельзя уйти. Перед самым уходом он возвращается к мысли, что человек должен прежде всего сам прийти к какому-то идеалу, в данном случае — к Вере.

Но время идет, и что сейчас бы сказал Захар?.. Я замыслил создать тетралогию: вслед за "Судьбой", "Именем твоим", "Отречением" будет четвертый роман, в котором я постараюсь, если даст Бог, охватить новейший период истории России. Но уже, разумеется, Захар там будет присутствовать как некая духовная доминанта, а действовать будут его потомки, которых осталось достаточно на земле.

— А в чем, на ваш взгляд, суть русской философии, русского мировоззрения?

— Об этом много сегодня спорят, а все, наверное, проще, чем кажется. Все заключается в особенностях русского национального характера, в первую очередь в формуле: больше отдавать, чем брать (что, по сути, нас сейчас и губит).

Вспомните русское купечество, которое или все пропивало, прогуглило, или строило церкви, библиотеки, театры и т.д. И вспомните, как на Западе скрупулезно, из рода в род передавали, подсчитывали копейки, не давая даже на карманные расходы больше, чем положено.

В свое время я обедал как-то с вдовой Рокфеллера в Нью-Йорке в ее собственном ресторане на 102-м этаже небоскреба, который, кажется, сейчас купили японцы. Собралось несколько еще таких дам: одна — земельный магнат, другая — нечто подобное. И как они спорили, кому платить! А когда выпало одной (не хозяйке), вы бы видели, как долго изучался представленный официантом счет!..

Мы совершенно разные по характеру, по способу мышления. Русский — он всегда куда-то бежит, ему всегда мало места, смотрите, какую государственную машину создал. И это тоже идет от его мироощущения жизни, жизни, которая, если можно так выразиться, была Богом для всех, а не для одного. Эту широту, повторяю, пытаются использовать для нашей гибели.

— Если говорить о гибели, то многие считают: единственное, что у нас еще осталось, так это культура. Вы согласны с этим, как председатель в прошлом Фонда культуры России?

— Замечу, что наступление на русскую культуру началось еще задолго до революции. Об этом писали еще Гоголь и Достоевский, говоря об антинациональных тенденциях в литературе, а особенно в журналистике и критике. Об этом говорили даже Тургенев и Чехов, хотя по взглядам были несколько иного плана... Наступление шло веками. А сейчас, похоже, наступает апогей этого разрушительного процесса.

Уничтожают школу в самом широком смысле слова, т.е. основу всего. Далее — науку. Но самое, наверное, главное — литературу, словесность, мысль, ее национальные свойства. Стараясь перемолоть ее через огромную сатанинскую машину, называемую "средствами массовой информации". Могу сказать, на телевидении уже наполовину говорят по-русски. Тем более не мыслят. Вы послушайте Сорокину, это что-то страшное!

Прекратилось национальное книгопечатание. Из учебников выбрасывают русскую классику, дело дошло и до Пушкина. Т.е. с детства пытаются привить иной образ мышления. Но русская культура, русский XIX век останутся. Никуда не денутся ни Достоевский, ни Толстой, ни Пушкин...

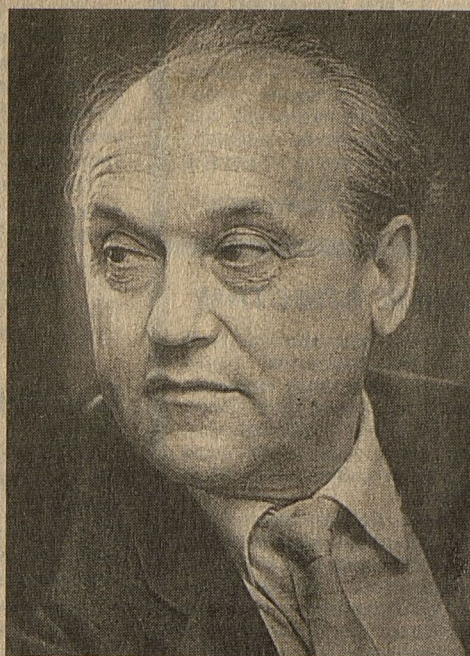
— Вы поставили на первое место Достоевского. Это ваш любимый писатель?

— У меня много любимых и, пожалуй, самый — Гоголь. Хотя он и, так сказать, "хохол". Но дело же не в этом. Это писатель совершенно уникальный. Равных ему нет. Булгаков попытался приблизиться в каких-то

вещах — не получилось. Ведь если у Гоголя ведьма — так ведьма, а у Булгакова начинается заигрывание с потусторонними силами, с сатаной. И ведьмы у него добрые, потому что вынуждены были выходить из той злой жизни. А Гоголь — писатель народный. Посмотрите, сколько сейчас Коробочек, Маниловых, Собакевичей. Вот он дал вечные характеры, славянские, русские.

— Вот мы и подошли к вопросу о роли писателя в России. Всегда считалось, она велика. А сейчас? Покричали, погребели и при-тихли?

— Действительно, истинный русский писатель всегда отождествлялся с пророком. И даже не вокруг писателя, а вокруг, как сейчас говорят, менталитета русской души, ее устремленности к Богу, к космическим высотам, допустим, к тому же знанию, к попытке пройти в неведомое и образовался определенный пиитет. Писатель воспринимался как носитель Слова. Поэтому в 17-м и сбрасывали Пушкина со всяких "кораблей"... Поэтому перед "пере-



стройкой" первым делом стали порочить писателей: заткнешь рот — уничтожишь язык — уничтожишь историю — уничтожишь все. Останется робот, способный только размножаться, есть и обслуживать. Теперь — другие методы, экономические. Но суть и цели — те же: разрушить все на атомы, а потом из этих атомов лепить свою "египетскую" цивилизацию, где нашему народу уготована роль строителей пирамид для избранных. Но такое строительство обречено, если вспомнить Вавилонскую башню.

— Как вы в этом случае относитесь к возвращению Солженицына?

— Вопрос этически очень сложный. Если коротко, по сути дела никак. Ну приехал, приехал человек, который совершенно не понимает происходящего. Он уже не может понять, что здесь происходит. Есть писатели, которые смотрят изнутри народа: Распутин, Белов, Алексеев, таким был Астафьев. А есть, которые смотрят сверху на общество, как на муравейник, — это Герцен, Солженицын... Смотрит сверху: что там происходит? Понять не может, но он все знает, все...

— Ваше творчество более оптимистично. Сам факт, что вы работаете, это уже оптимизм.

— Работа — это естественное состояние всякого нормального человека.

Что касается будущего, то, думаю, надо надеяться на мудрость истории. В мире происходят незримые, неосознанные, глобальные процессы. Человечество, не только Россия, вступает в эру катастроф: экологической, технократической. Западный мир (я это видел сам, бывая в Америке, Англии, Франции, Испании, Швейцарии...), основанный лишь на собственном жемудке, тоже обречен. Ибо мир построен так: сколько потребил — столько отдай. Западная цивилизация строится только на потреблении, она ничего не отдает никому. И когда у мировой цивилизации вырубается целый пласт, на котором держалось равновесие мира, т.е. русская духовная цивилизация, остальное неминуемо тут же рухнет в пропасть. Ну хватит наших запасов нефти, газа на 30-40 лет, а дальше что? Ведь многие научные идеи миру дала Россия. Думаю, если человечество хочет выжить, оно сможет выжить только вместе, в равновесии различных движений к будущему.

Словом, много вопросов и много попыток ответить, главное, надо работать. Русские, которые не опустились еще руки, не спились, где бы они ни рудились, — если он настоящий человек, — он обязательно будет работать на сплочение, на пользу России: будь он коммерсант, писатель, крестьянин, инженер... Невольно своей работой он будет стремиться к объединению, потому что мы — такой народ!

216